

УДК 32.019.51

Городнина О. С.,
*кандидат политических наук,
доцент кафедры общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Губаненкова С. М.,
*кандидат философских наук,
доцент кафедры общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Политический миф в системе политико-культурных представлений (Часть 1)

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-1-166-176

В статье авторы рассматривают ключевые теоретико-методологические аспекты изучения политического мифа в контексте политической культуры. Выявлены особенности дефинирования политического мифа, определены ключевые функции, проанализирована структура мифа. Акцентировано внимание на взаимодействие политического мифа с политической идеологией и утопией. Изучаются специфические черты политического мифа и особенности его использования в политико-управленческой практике.

Ключевые слова: *политический миф, нарратив, политическая культура, структура политического мифа.*

Gorodnina O. S.,
*Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of
General and Applied Political Science,
Orel State University named after I.S. Turgenyev*

Gubanenkova S. M.,
*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of General and
Applied Political Science,
Orel State University named after I.S. Turgenyev*

Political myth in the system of political and cultural ideas (part 1)

In the article, the authors consider the key theoretical and methodological aspects of the study of political myth in the context of political culture. Features of the definition of political myth are identified, key functions are identified, and the

structure of the myth is analyzed. Attention is focused on the interaction of political myth with political ideology and utopia. The specific features of political myth and the peculiarities of its use in political and managerial practice are studied.

Keywords: *political myth, narrative, political culture, structure of political myth.*

Политико-публичное пространство всегда характеризовалось неоднозначностью, сложностью, противоречивостью решаемых задач. Исторический опыт человечества убедительно доказывает, что, с одной стороны, люди не готовы отказаться от насилия как способа достижения целей, но, с другой стороны, стабильность и поступательность общественно-политического развития невозможно обеспечить исключительно силовыми приемами. Следовательно, власть имущие вынуждены вести поиск новых алгоритмов эффективного воздействия на общественность с целью достижения уважения, авторитета, готовности следовать за лидером.

Одним из таких инструментов влияния выступает политический миф, вариативность применения которого весьма широка и включает в себя не только просвещение, но и манипуляции общественным сознанием. Таким образом, актуальность обращения к заявленной проблеме вызвана стремлением выявить неоднозначность данного элемента политической жизни, возможные пределы его применения, а также степень конструктивного или деструктивного влияния на политическую практику.

В статье (первой ее части) анализируются сущностные характеристики политического мифа. Учитывая сложную и многоаспектную природу последнего, крайне важно рассмотреть дефиниции, структуру, функциональные возможности политического мифа. Тем более, что в современном социально-гуманитарном знании отсутствует единство мнений и подходов к проблематике политического мифа в системе политико-культурных представлений. Как правило, спектр теоретико-методологических разработок, посвященных мифотворчеству, в том числе и политическому, включает в себя:

- антропологический подход (Дж. Фрэнгер, Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль и др.), согласно которому миф представляет собой способ познания мира с помощью антропоморфизации природных явлений; важнейший компонент культурной традиции;

- философско-культурологический подход (А. Ф. Лосев, М. Элиаде, П. С. Гуревич и др.), когда позиционируют миф в качестве феномена культуры, который является источником народной мудрости и способствует становлению морально-нравственных ориентиров, а также регулирует социальные практики;

- психоаналитический подход (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Ноэль-Нойман и др.), где акцентируют внимание на взаимосвязи мифа и подсознания;

- семиологический подход (М. М. Бахтин, М. Ю. Лотман, Р. Барт и др.), здесь видят в мифе особую знаковую систему, «первичный язык», позволяющий человеку понимать себя, мир и свое место в нем [Полосин, 1999].

Данное исследование базируется на комплексном научном подходе, позволяющем привлекать информацию, данные различных социально-гуманитарных наук для достижения максимально точного и верного результата. Авторы использовали такие методы, как анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция.

Спектр используемых в современной политике технологий, приемов и способов достижения власти и решений управленческих задач невероятно разнообразен и богат. Особое место в апробируемом управленческом инструментарии занимают политические мифы. Несмотря на то что многие эксперты признают их в качестве «продукта» современного общества, истоки политического мифа восходят к архаичной мифологии прошлого. В связи с этим возникает ряд закономерных вопросов: для чего изучать политический миф? Обладает ли он спецификой и своеобразием в отличие от архаичного? Насколько актуален и востребован политический миф в условиях торжества прагматизма и рационального мировоззрения?

К сожалению, однозначного, исчерпывающего ответа на сегодняшний день не существует, что обуславливает новые научно-теоретические изыскания по данной проблематике. При этом следует подчеркнуть, что обращение к политическому мифу и мифотворчеству не является случайным. Представители экспертного сообщества, специализирующиеся на изучении социально-психологических процессов, полагают, что противоречивость социального бытия, увеличивающийся в геометрической прогрессии поток вызовов, угроз и рисков, с которыми сталкивается современный человек, детерминировали кризис рационального восприятия и рационального мировоззрения [Шевченко, Штофер, 2020].

Как следствие, обращение к иррациональным формам, в том числе и архаичным, становится спасением для измученного индивида. Миф представляет собой особый сплав эмоционально-окрашенных, ярких, легко декодируемых картин-образов прошлого, настоящего и будущего. Другими словами, миф позволяет человеку увидеть собственную жизнь и жизнь общества в единстве разных временных отрезков; проанализировать достигнутое и обозначить контуры грядущего, но в понятной и легко считываемой форме.

Аналогичную мысль высказывали Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Ж. Сорель, С. Московичи и др., акцентировавшие внимание на том, что пережившие радикальную ломку политического мышления общества Запада отклонились в сторону мифологизации.

Затрагивая вопрос о том, что есть политический миф, Ж. Сорель определяет последний как совокупность образов, не ограниченных во времени и связанных с формированием будущего [Шевченко, Штофер, 2020]; А. П. Бергер и Т. Лукман говорят о предельно упрощенной модели действительности, лишенной противоречий, воздействующей на массовое сознание с помощью внушения, заражения и подражания [Шевченко, Штофер, 2020].

При этом нельзя игнорировать, что миф подобен оружию, его можно также создать и применять как современный боевой арсенал [Иванова, 2017]. Именно этот постулат и заставляет вновь обращаться к теоретико-методологическим аспектам выбранной для анализа проблеме.

Размышляя над причинами появления мифа и его укоренения в жизни человека и общества, следует констатировать, что особая мифологическая картина мира позволяла не только определить смысл происходящего, но и наполнить жизнь человека духовностью и надеждой. Иными словами, миф стал особой матрицей, иллюстрирующей смысл важнейших базовых закономерностей природы и общества; маркером, обозначающим силуэт грядущего [Русакова, 2002].

В целом, миф выступает источником норм и правил социального поведения, детерминирует ценностные ориентиры, позволяет справляться с многочисленными стрессами [Корниенко, 2009]. Вместе с тем, архаичный и политический миф не являются синонимами. Если первый – целостен, непротиворечив, фантастичен, ориентирован на преодоление глубинных страхов, то второй преследует вполне конкретные цели:

- усилить политическую систему посредством ее сакрализации;
- разрушить политическую систему с помощью нивелирования, уничтожения ее «святынь» [Шевченко, Штофер, 2020].

Однако есть и иные точки зрения. Так, О.Г. Рюмкова выделяет в политическом мифе такие архаичные черты, как символизм, концентуализм, формирование образа сверхчеловека, анонимность, дихотомия добра и зла [Корниенко, 2009].

Таким образом, понятие политический миф продолжает оставаться дискуссионным. Среди множества дефиниций термина следует, на наш взгляд, более подробно остановиться на нескольких подходах. Зарубежные и российские исследователи неоднократно пытались определить характер взаимосвязи между политическим мифом и идеологией. Например, К.Флад настаивал на «идеологическом маркировании» политического мифа, стремящегося противопоставить «истинные представления о событиях прошлого, настоящего и будущего» [Корниенко, 2009].

С идеологических, хотя и не явно выраженных позиций, рассматривал политический миф Р. Барт. Ученый видел в нем сложную семиотическую систему, строительным материалом для которой выступают живопись, реклама, фотографии, язык и прочее. При умелом обращении это «сырье» становится «левым или правым мифом». Более того, первый порожден стремлением завуалировать противоречие и деформации революции, а второй обладал неограниченным ресурсом для генерирования новых идей [Барт, 1989].

Научные изыскания М. Макгира, Г. Тюдора и ДЖ. Робертсона позволяют сделать вывод о дифференциации мифа и идеологии, поскольку последняя отличается теоретичностью, а миф, несмотря на свой символизм, является более реалистичным [Чернышев, 1994]. Более того, авторы обращают внимание на жесткость идеологического каркаса, с одной стороны, и

подвижность мифа, с другой, благодаря чему мифологические сюжеты могут быстро меняться.

Однако не менее распространённым в научном дискурсе является утверждение о сходстве, специфическом родстве мифа и идеологии. Так, Т. Иглтон полагал, что указанные понятия имеют идентичные «символические значения и социальные функции» [Мусихин, 2015]; Линкольн рассматривал миф как «идеологии в нарративной форме», а Леви-Стросс убеждал, что миф есть исток истории и идеологии [Мусихин, 2015].

Представленные точки зрения не должны порождать иллюзий о гармоничном сосуществовании идеологии и мифов. Напротив, эксперты склонны акцентировать внимание на деструктивных проявлениях последнего. Кафлад видит в политическом мифе явный и завуалированный призыв индивида к идеологической идентификации. С одной стороны, это трудно оценить в качестве импульса, негативно влияющего на политическую жизнь человека и общества, поскольку идеология, выполняя функцию маркера, позволяет человеку найти свою общность и чувствовать себя более уверенно и надёжно в постоянно меняющемся политическом пространстве.

С другой стороны, зашифрованный посыл «выбирай/определяйся» резонирует с фундаментальным и естественным правом человека на свободу, в том числе и мнения. В итоге, политический миф не столько мотивирует, сколько манипулирует человеком, его сознанием. Неслучайно Э. Кассирер считал политический миф «продуктом целенаправленного идеологического производства» [Корниенко, 2009].

Более того, в экспертном сообществе нет единства относительно характера соотношения мифа и идеологии. Одни настаивают на том, что идеология более широкое явление, включающее в себя миф, другие, напротив, утверждают, что идеология является одним из проявлений политического мифа. По нашему мнению, наиболее верной следует считать точку зрения Э. Кассирера, который справедливо указал на сложную генетику политического мифа, порожденного массовым сознанием и идеологическим дискурсом. При этом следует отметить, что миф, в отличие от идеологии, не содержит в себе конфронтационный импульс. Опираясь на работы западных ученых, Г. И. Мусихин верно указывает на отсутствие в мифе алгоритма «Мы/Они». Последний характерен для идеологии, которая одновременно функционирует как интеграционный и дезинтеграционный инструмент. Миф – это господство иного логического конструкта – «и-или», так как миф – это «чистый нарратив без догм... и доктрин» [Мусихин, 2015].

Однако опыт практического использования политических мифов свидетельствует, зачастую, об обратном. Искусственная героизация политика, сопровождающаяся повествованием о его подвигах и свершениях, призвана не только увеличить и укрепить ряды его сторонников, но и реализовать принцип: «кто не с нами – тот против нас». В свое время этот тезис озвучил М. Горький в очерке «В.И. Ленину». На фоне достигнутых успехов в строительстве советского общества эта формула стала индикатором, дифференцирующим

людей на «своих» и «врагов», на «правильных» и «опасных». Таким образом, политический миф быстро утратил «щедрость своего нарратива», потерял целостность и стал новым инструментом достижения рациональных доводов, обосновывающих «осуществление иррациональных устремлений» [Мусихин, 2015].

Еще один аспект в изучении политических мифов связан с утопией, их сходством и различием. Согласно классической версии, миф и утопия представляют собой разные образы жизни человека и общества. Если утопии, благодаря работе Т. Мора, которые прочно ассоциируются с прекрасным будущим, идеальным «далеко», в котором человек практически не знает бед и нужды, он живет в гармоничном и красивом мире. Иными словами, утопия – идеал, которым восхищаются, вдохновляются и пытаются достичь хотя бы в какой-то степени.

Миф ретроспективен, он иллюстрирует прошлое, которое также может стать источником полезной информации. Однако противопоставление мифа и утопии исключительно по временному критерию и не выдерживает критики, поскольку миф содержит в себе не только рудиментарные, но и ферментарные элементы, что позволяет выстроить линию «прошлое-настоящее-будущее». Очевидно, что миф и утопия выполняют сходную функцию, но разными методами. Утопия, демонстрируя прекрасную картину будущего, подчёркивает, выпячивает все несовершенства настоящего и, тем самым, мотивирует людей на разработку алгоритмов приближения прекрасного «далеко» посредством решения актуальных текущих проблем.

Миф, раскрывающий героизм, смелость, благородство ушедшей эпохи и ее людей, становится средством вдохновения для современного общества, переживающего кризис. В связи с этим, нельзя не вспомнить знаменитые строки М. Лермонтова:

«Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!» (М. Лермонтов. Бородино)

Поэтическая формула использовалась не для того, чтобы унижить, задеть, дезориентировать человека, живущего здесь и сейчас. Напротив, отсыл к богатырям прошлого должен был помочь раскрыть свой потенциал людям будущего.

Несмотря на функциональное сходство мифов и утопий, эксперты пытаются определить их отличия. Так, Сорель указывает:

- миф может стать инструментом общественных изменений, но не содержит в себе «рецепт достижения желаемой цели»;

- миф отражает волю;

- миф позволяет понять мысли и чувства;

- утопия продукт интеллектуальных усилий, итог аналитической работы теоретиков, стремящихся измерить добро и зло существующих обществ [Мусихин, 2015].

Таким образом, можно согласиться с мнением О. Боттичи и Б. Шаллана, что политический миф – «не научная гипотеза, а скорее выражение решимости действовать», это непрерывный процесс «работы над общим повествованием» [Васильев, 2009].

Обобщив вышесказанное, можно выделить наиболее характерные черты политического мифа:

- в нем переплетаются рациональное и чувственное;
- основой, детерминантами политического мифа являются коллективные надежды и страхи [Прибыткова, 2008];
- политические мифы создаются определенными людьми, использующие концептуальные разработки и информацию об эмоциональном состоянии общества, его ожиданиях;
- политические мифы существуют в форме правды и наукоподобия [Корниенко, 2009];
- политические мифы крайне трудно деактивировать и разрушить посредством рациональных доводов, поскольку они прочно встраиваются в эмоциональную сферу человека и общества;
- политический миф не ориентирован на выявление и освещение закономерностей общественного развития; он необходим для управления коллективным сознанием [Корниенко, 2009];
- политический миф, как правило, должен реабилитировать происходящее в реальном политическом пространстве, обеспечить принятие людьми предлагаемого политико-управленческого курса в качестве единственно верного и истинного.

Апеллируя к чувственно-эмоциональной сфере человека и общества, политические мифы должны иметь грамотно продуманную структуру, поскольку любой диссонирующий компонент разрушит единый образ и заставит сомневаться в предлагаемой картине мира. В политическом мифе в качестве обязательных компонентов присутствуют: космогонические мотивы, космологические, эсхатологические сюжеты.

В целом, эксперты отмечают схожесть религиозных и политических мифов, поскольку тема преодоления хаоса, создания сущего из мрака и ужаса становится главенствующей. Нельзя не признать, что данная проблематика обладает огромным мотивирующим и, при определенных условиях, манипулирующим эффектом, особенно в политической сфере. Граждане, напуганные и/или уставшие от эффекта качелей в общественно-политической жизни, будут невероятно чутко и остро воспринимать повествование о преодолении подобных ситуаций в прошлом, о героях, проложивших путь к свету и счастью для всего общества. В условиях стабильной и комфортной жизни власть предержащие периодически могут использовать мифологемы, чтобы напоминать об искорененном хаосе и цене, которую пришлось заплатить. В качестве иллюстрации можно привести бестселлер современной литературы и кинематографа – «Голодные игры/сойка пересмешница». Жестокое, циничное и абсолютно лишенное (казалось бы) сострадания

реалити-шоу было призвано не только обеспечить адреналиновый шок привилегированным слоям общества Панема, но и показать ужас насилия как средства борьбы, недопустимости эпохи восстаний и мятежей. Бесспорно, жители беднейших дистриктов не могли оценить всей глубины и красоты сконструированного политико-мифологического послания, но Капитолий и его граждане прекрасно декодировали месседж властей, что и обеспечивало последним столь необходимую легитимность.

Безусловно, реальная история любой страны богата подобными мифами. Так, образ Петра I давно уже представляет собой сплав реальных фактов и выдуманных сюжетов. Только абсолютно невежественный человека ничего не слышал о великих реформах императора, о его спасении России «из болота невежества и бескультурия». Как следствие, сложился очень удобный для будущих правителей и реформаторов миф о «немытой, дикой России», которую следует спасать от самой себя. Однако русский историк Н. Карамзин, очевидно, не разделял ставшей привычной веру в этот миф, поскольку его «Записки о древней и новой России» содержат предостережение и призывы не совершать опрометчивых поступков и не проводить реформы ради реформ, абсолютно не учитывающих характер и специфику отечественной культуры и истории.

Космологические мифы являются закономерным продолжением космогонических, т.к. распределение властных полномочий и ресурсов становится условием и залогом сохранения и развития созданного политического мира. Типичными примерами космологических мифов можно считать рассказы о свободной, прекрасной, полноценной жизни на Дону, которые будоражили воображение крепостного крестьянина, или о сияющем граде на Холме, где каждый сможет найти для себя пристанище и воплотить на практике заветные мечты, или о спасительной силе рыночной экономики, способной в кратчайшие сроки обеспечить переход к комфортной жизни.

Политические мифы эсхатологической направленности, как правило, востребованы в периоды кардинальных преобразований. Более того, миф, содержащий в себе импульсы разрушения, уравнивается прямо противоположными мифами, что не позволяет рассматривать эсхатологический миф в качестве ведущего, доминирующего.

Размышляя над спецификой современных мифов, ряд экспертов обращается к его непростой структуре. Так, А. Г. Иванов полагает, что социальному мифу (как более широкому явлению по отношению к политическому) свойственно двухуровневое строение. Первый уровень включает в себя итоги коллективных усилий: ритуалы, мифологемы, архетипы и образы. Причем, эти компоненты духовной жизни сложились не одновременно, а стали результатом долгого становления, что и придало им устойчивость. Именно эти элементы образуют основу любого мифа. В связи с этим, обращение к архетипам нельзя рассматривать в качестве дежурного или нецелесообразного действия, поскольку в архетипах и иных составляющих первого уровня мифа заключена духовная и исторически сложившаяся «основа основ», позволяющая правильно считывать мифы разным группам общества.

«Конъюнктурный», или «инструментальный», уровень – результат рациональных усилий мифотворцев, преследующих вполне конкретные и прагматичные цели. В связи с этим, основной «продукт» второго уровня – идеологемы, с одной стороны, опирающиеся, учитывающие сложившиеся архетипы, а с другой, представляющие собой четкие идеи, концепты, программы [Иванов, 2019]. Казалось бы, структура политического мифа без труда позволяет решать поставленные политико-управленческие задачи. Однако между уровнями существует довольно существенное противоречие, которое может обнулить все ожидаемые/планируемые эффекты от использования политического мифа. Архетип – устойчивый, целостный образ, транслирующий универсальный для всех информационно-эмоциональный месседж. Именно поэтому представления о Герое, например, понятны людям, живущим в разных временных периодах.

Однако создатель политического мифа руководствуются собственными интересами, задачами, и тогда создаваемый им образ героя не найдет поддержки и положительного отклика среди общественности, поскольку не коррелируется с архетипом. Для преодоления подобного казуса и обеспечения единства всей структуры политического мифа необходимо, по мнению экспертов, прибегать к нарратиям, поскольку «изящный нарратив, сюжетная линия которого как бы объединяет в себе архаику и современность, индивидуальное и коллективное, уникальное и общее» [Иванов, 2019], способен нивелировать конфликт между архаичным и конъюнктурным уровнями политического мифа.

Эффективность нарративной формы позволяет политическому мифу:

- стать ближе, доступнее человеку благодаря повествовательным акцентам;
- сформировать чувство идентичности, принадлежности к определенной культурной, политической общности;

Таким образом, применение нарратива в политическом мифотворчестве не сделает политику более понятной неискушенному индивиду. Возможно, он так и не захочет примерить на себя роль активного и непосредственного участника политической жизни. Но миф, затронувший глубины его сознания, памяти, чувственно-эмоциональную природу, подтолкнет к желаемым для субъекта власти действиям.

Иными словами, политический миф представляет собой пестрый калейдоскоп гетерогенных элементов, которые образуют различные образы, но лишь фрагментарно отражающие реальность.

Политический миф наделен обширным функционалом, поскольку он «рождался» и оттачивался в крайне непростых условиях становления политико-публичной сферы и укрепления конфликтной парадигмы развития последней в связи с борьбой за властные статусы и ресурсы. Безусловно, политический миф не обладает способностью разрешать конфликтные противоречия, но он может использоваться в качестве легитимационного средства в отношении решений и

действий субъектов власти, что обеспечивает последней общественную поддержку, лояльность, принятие.

Помимо этого, политический миф может стать особым убежищем для человека и общества, переживающих кризис, испытывающих страх. Политический миф становится маяком, освещающим, указывающим спасительное направление. Разумеется, авторы это отмечали и ранее, миф не подобен инструкции с ясным и четким перечнем действий. Однако он обращается к эмоциям человека, активизируя в его памяти необходимые архетипы.

Таким образом, политический миф способствует консолидации общества, помогает найти человеку оптимальные ресурсы для выхода из кризиса и достижения счастливого финала [Корниенко, 2009].

Классическими функциями политических мифов являются:

- адаптивная, позволяющая индивиду безболезненно встроиться в сложившееся политико-управленческое пространство;
- легитимирующая;
- ориентирующая, благодаря которой массы в состоянии определить аксиологические и поведенческие приоритеты;
- этическая, культивирующая определенные морально-нравственные установки [Корниенко, 2009].

Не меньший интерес вызывают функции политического мифа, выделенные В. Полосиным, поскольку они ориентированы на достижение и сохранение преемственности и устойчивости общественно-политической системы: хранение, воспроизведение политического опыта, в форме идеологических конструкций, политических символов, ритуалов; соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных групп с совокупным опытом [Полосин, 1999].

Возвращаясь к вопросу о специфике политического мифа, следует, на наш взгляд, отметить:

- взаимосвязь, взаимообусловленность мифа и политической культуры общества;
- влияние истории на генезис и динамику политического мифа, поскольку канва исторических событий служит питательной средой для конструирования и внедрения в национальную память необходимых образов, символов;
- частные вопросы не становятся проблематикой для политического мифа.

Таким образом, глубокое и качественное осмысление политического мифа, специфики его применения в политико-публичном пространстве напрямую зависит от понимания политической культуры конкретного народа, страны.

Список литературы

- Барт, 1989 – *Барт Р.* Миф сегодня // Сост. общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
- Васильева, 2009 – *Васильев С. С.* Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: масс-медиа как инструмент социального мифотворчества// Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. С. 37-47.
- Захарова, 2008 – *Захарова Т. И.* Инструменты сакрализации: политический миф // Известия Саратовского университета. 2008. Т.8. Сер. Социология. Политология. Вып.1. С. 148-151.
- Иванов, 2019 – *Иванов А.Г.* Нарративное измерение политического мифа // Вестник Томского гос.университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С.69-78.
- Иванова, 2017 – *Иванова Е. В.* Новые и старые культурные герои: проблема поиска «мифа о герое» в современном отечественном социально-политическом контексте // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 81-87.
- Корниенко, 2009 – *Корниенко Т. А.* Сущность и структура политического мифа // Власть. 2009. № 10. С. 49-53.
- Мусихин, 2015 – *Мусихин Г. И.* Политический миф как разновидность политической символизации // ОНС. 2015. № 5. С. 102-117.
- Полосин, 1999 – *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999.
- Прибыткова, 2008 – *Прибыткова Е. А.* Политические мифы // Личность; Общество; Государство. Спб. 2008. С. 36-44.
- Русакова, 2002 – *Русакова Н. В.* Генеалогия и структура политического мифа: дисс. на соиск. уч. ст. д. дилос. н. М. 2002.
- Чернышев, 1994 – *Чернышев Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч.1. / изд. 2-е, испр. и доп. 1994.
- Шевченко, Штофер, 2020 – *Шевченко О. М., Штофер Л. Л.* Политический миф: специфика конструирования социально-политической реальности // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 5. С. 275-283.